

**АКСИОЛОГИЧЕСКАЯ И ЛИЧНОСТНО-ОРИЕНТИРОВАННАЯ ОСНОВА
СОТРУДНИЧЕСТВА И ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ СУБЪЕКТОВ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ
СРЕДЫ | AXIOLOGICAL AND PERSON-CENTERED FOUNDATIONS
OF COLLABORATION AND INTERACTION IN EDUCATIONAL SETTINGS**

Научная статья | Original paper

**Детско-родительские отношения и психологическое напряжение
в современной семье: анализ особенностей восприятия
у российских школьников 8—11 классов**

С.В. Бадмаева^{1, 2}✉, С.Б. Тайсаева²

¹ Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации, Москва, Российская Федерация

² Российский экономический университет им. Г.В. Плеханова, Москва, Российская Федерация

✉ sbadmaeva@yandex.ru

Резюме

Контекст и актуальность. Статья представляет собой теоретико-аналитическое исследование, сочетающее анализ эмпирических данных авторского исследования 2010 года с обзором современных работ 2020—2026 гг. Подростковый возраст (8—11 классы) является переходным периодом развития, когда перестраиваются отношения с родителями, усиливается стремление к автономии и возрастает чувствительность к семейному климату. В условиях цифровизации и постпандемических изменений традиционные модели детско-родительских отношений дополняются новыми источниками напряжения: цифровым разрывом поколений, интернет-зависимостью, кибербуллинг и изменением структуры общения. **Цель.** Выявить и проанализировать особенности восприятия подростками 8—11 классов детско-родительских отношений и определить ключевые зоны психологического напряжения в контексте современных социальных трансформаций. **Гипотеза.** Традиционные источники напряжения (стиль воспитания, несогласованность требований родителей, особенности полных и неполных семей) сохраняют свое влияние, но повышается роль цифровых факторов (онлайн-коммуникация, интернет-зависимость, кибербуллинг), усиливающих переживание отчуждения и непонимания в семье. **Методы и материалы.** Эмпирическую основу составляют данные авторского исследования 2010 года (88 респондентов, из них 45 подростков 8 и 11 классов; 43 родителя), которые рассматриваются в

42

Бадмаева С.В., Тайсаева С.Б. (2026)
Детско-родительские отношения
и психологическое напряжение в современной семье:
анализ особенностей восприятия
у российских школьников 8—11 классов
Вестник практической психологии образования, 23(1),
42—60.

Badmaeva S.V., Taisaeva S.B. (2026)
Child-parent relations
and psychological stress in the modern family:
an analysis of the perception characteristics
of Russian schoolchildren in grades 8—11
Bulletin of Psychological Practice in Education,
23(1), 42—60.

сопоставлении с аналитическим обзором современных исследований 2020—2026 гг., посвященных влиянию цифровой среды, дистанционного обучения и социальных сетей на семью и подростков. **Результаты.** Младшие подростки чаще описывают родителей как менее любящих и внимательных и переживают дефицит тепла и заботы, тогда как старшие подростки оценивают родителей как более заинтересованных и поддерживающих. При этом сохраняются выраженные различия в восприятии отцов и матерей и структурные различия полных и неполных семей. Анализ современных источников выявил новые зоны напряжения, а именно разрыв между онлайн- и офлайн-коммуникацией, смещение обсуждения личных проблем в интернет-среду, использование гаджетов как средства избегания семейных конфликтов, а также рост значимости образа семьи и родительских фигур в семантике интернет-зависимости. **Выводы.** Образ семьи у современных подростков носит противоречивый характер. Семья одновременно выступает высшей ценностью и источником высокого психологического напряжения. Сочетание традиционных факторов (стиль воспитания, структурные особенности семьи) и цифровых вызовов формирует новые паттерны отношений и требует обновления диагностических и коррекционных подходов в работе школьных и семейных психологов.

Ключевые слова: детско-родительские отношения, подростки, школьники, психологическое напряжение, семья, образ семьи, цифровизация, интернет-зависимость

Для цитирования: Бадмаева, С.В., Тайсаева, С.Б. (2026). Детско-родительские отношения и психологическое напряжение в современной семье: анализ особенностей восприятия у российских школьников 8—11 классов. *Вестник практической психологии образования*, 23(1), 42—60. <https://doi.org/10.17759/bppe.2026230103>

Child-parent relations and psychological stress in the modern family: an analysis of the perception characteristics of Russian schoolchildren in grades 8—11

S.V. Badmaeva^{1,2} ✉, **Taisaeva S.B.**²

¹ Financial University under the Government of the Russian Federation, Moscow, Russian Federation

² Plekhanov Russian University of Economics, Moscow, Russian Federation

✉ sbadmaeva@yandex.ru

Abstract

Context and relevance. The article is a theoretical and analytical study that combines an examination of empirical data from the author's 2010 research with a review of

Бадмаева С.В., Тайсаева С.Б. (2026)
Детско-родительские отношения
и психологическое напряжение в современной семье:
анализ особенностей восприятия
у российских школьников 8—11 классов
Вестник практической психологии образования, 23(1),
42—60.

Badmaeva S.V., Taisaeva S.B. (2026)
Child-parent relations
and psychological stress in the modern family:
an analysis of the perception characteristics
of Russian schoolchildren in grades 8—11
Bulletin of Psychological Practice in Education,
23(1), 42—60.

contemporary studies published between 2020 and 2026. Adolescence (grades 8—11) is a transitional developmental period during which relationships with parents are restructured, the striving for autonomy intensifies, and sensitivity to the family climate increases. In the context of digitalisation and post-pandemic change, traditional models of parent-child relationships are complemented by new sources of tension, including the digital generation gap, internet addiction, cyberbullying, and shifts in the structure of communication. **Objective.** To identify and analyse how adolescents in grades 8—11 perceive parent-child relationships and to determine key areas of psychological tension in the context of contemporary social transformations. **Hypothesis.** Traditional sources of tension (parenting style, inconsistency in parental demands, and the characteristics of two-parent and single-parent families) continue to exert an influence; however, digital factors such as online communication, internet addiction, and cyberbullying are gaining in importance, intensifying adolescents' experiences of alienation and misunderstanding within the family. **Methods and materials.** The empirical basis of the study comprises data from the author's 2010 research (88 respondents, 45 of them teenagers in grades 8 and 11; 43 of them parents), considered in comparison with an analytical review of studies published between 2020 and 2026 that examine the impact of the digital environment, distance learning, and social media on families and adolescents. **Results.** Younger adolescents more often described their parents as less loving and attentive and reported a lack of warmth and care, whereas older adolescents tended to perceive their parents as more interested and supportive. At the same time, pronounced differences persist in adolescents' perceptions of mothers and fathers, as well as structural differences between two-parent and single-parent families. The analysis of recent sources revealed new areas of tension, specifically the gap between online and offline communication, the shift of discussions of personal problems into the online environment, the use of gadgets as a means of avoiding family conflicts, and the growing significance of the image of the family and parental figures in the semantics of internet addiction. **Conclusions.** The image of the family among contemporary adolescents is inherently ambivalent: the family appears simultaneously as a supreme value and as a source of considerable psychological tension. The interplay between traditional factors (parenting style, family structure) and digital challenges shapes new patterns of relationships and calls for updated diagnostic and intervention approaches in the practice of school and family psychologists.

Keywords: child-parent relations, adolescents, school students, psychological tension, family, family image, digitalisation, internet addiction

For citation: Badmaeva, S.V., Taisaeva, S.B. (2026). Child-parent relations and psychological stress in the modern family: an analysis of the perception characteristics of Russian schoolchildren in grades 8—11. *Bulletin of Psychological Practice in Education*, 23(1), 42—60. (In Russ.). <https://doi.org/10.17759/bppe.2026230103>

Бадмаева С.В., Тайсаева С.Б. (2026)
Детско-родительские отношения
и психологическое напряжение в современной семье:
анализ особенностей восприятия
у российских школьников 8—11 классов
Вестник практической психологии образования, 23(1),
42—60.

Badmaeva S.V., Taisaeva S.B. (2026)
Child-parent relations
and psychological stress in the modern family:
an analysis of the perception characteristics
of Russian schoolchildren in grades 8—11
Bulletin of Psychological Practice in Education,
23(1), 42—60.

Введение

Проблема детско-родительских отношений в подростковом возрасте традиционно рассматривается как одна из центральных в возрастной и семейной психологии (Выготский, 1984; Кон, 2003). Семья выступает основным контекстом формирования личностной идентичности, эмоциональной устойчивости и системы ценностей подростка. В этот период актуализируется «чувство взрослости» (Эльконин, 1989), усиливается стремление к автономии и одновременно сохраняется потребность в принятии и поддержке со стороны родителей.

Современные социальные условия усиливают противоречивость этих процессов. Ускоренная цифровизация, распространение дистанционных форм обучения, рост времени, проводимого подростками в сети, трансформируют способы общения в семье и перераспределяют значимость офлайн- и онлайн-контактов (Mental health of adolescents, 2024; Рыбальченко и др., 2024). Для части подростков интернет становится основным пространством самораскрытия и поиска поддержки, тогда как отношения с родителями оказываются на периферии повседневного опыта.

При этом, по данным социологических опросов 2024 г., семья по-прежнему занимает первое место в иерархии жизненных ценностей российской молодежи (Рыбальченко и др., 2024), что создает своеобразный парадокс. Он заключается в том, что декларируемая ценность семьи сочетается с переживанием дистанции, непонимания и эмоциональной напряженности в реальном взаимодействии. Актуальность также приобретают различия между полными и неполными семьями, а также между материнским и отцовским стилями воспитания (Захаров, 1996; Эйдемиллер, Юстицкис, 2000).

Отдельный пласт проблем связан с постпандемическими изменениями: опыт вынужденного дистанционного обучения, длительного совместного пребывания всех членов семьи в одном пространстве и перенос большей части учебной и социальной активности в онлайн-среду. Эти изменения позволили выявить ресурсы (способность к совместному преодолению трудностей) и уязвимости семьи (конфликтность, неготовность к диалогу).

Материалы и методы

Работа носит характер теоретико-эмпирического анализа и включает в себя два взаимодополняющих компонента: вторичный анализ данных авторского исследования, проведенного в 2010 году и посвященного развитию представлений о роли родителя в подростковом возрасте; аналитический обзор современных исследований 2020—2026 гг., касающихся влияния цифровой среды, дистанционного обучения и социальных сетей на семью и подростков. Новых полевых измерений не проводилось; анализ фокусировался на сопоставлении традиционных и современных источников. Авторское исследование проводилось на базе российских школ и включало в себя 88 респондентов (45 подростков, 43 родителя).

В методический комплекс авторского исследования входили: опросник «Подростки о родителях» (ADOR) П. Шефера в модификации З. Матейчека, позволяющий оценить

Бадмаева С.В., Тайсаева С.Б. (2026)
Детско-родительские отношения
и психологическое напряжение в современной семье:
анализ особенностей восприятия
у российских школьников 8—11 классов
Вестник практической психологии образования, 23(1),
42—60.

Badmaeva S.V., Taisaeva S.B. (2026)
Child-parent relations
and psychological stress in the modern family:
an analysis of the perception characteristics
of Russian schoolchildren in grades 8—11
Bulletin of Psychological Practice in Education,
23(1), 42—60.

восприятие подростком поведения родителей по ряду шкал; методика «Родительское сочинение» В.В. Столина; методика «Детско-родительские отношения подростков» (ДРОП); тест родительского отношения А.Я. Варги и В.В. Столина.

В настоящей статье основное внимание уделяется данным ADOR, как наиболее релевантным задачам выявления восприятия поведения родителей. Опросник содержит шкалы: позитивный интерес (забота, внимание, поддержка); директивность (контроль, требования, жесткая регуляция); враждебность (критика, наказания, агрессия); автономность (поддержка самостоятельности, признание права на мнение); непоследовательность (противоречивость требований, хаотичность воспитания). Для оценки были использованы: качественный анализ описаний и интерпретаций авторского исследования; сопоставление результатов по возрастным и гендерным группам; интерпретация данных через современные контексты (цифровизация, онлайн-коммуникация).

В обзор современной литературы включались статьи и доклады, доступные в открытых электронных ресурсах, соответствующие теме семейных отношений и цифровой среды.

Результаты

Эмпирическое авторское исследование проведено в 2010 году на базе российских школ и охватило 88 человек: 25 подростков 8 класса (13—14 лет), 20 подростков 11 класса (16—17 лет) и 43 родителя (25 родителей восьмиклассников и 18 родителей одиннадцатиклассников). Для оценки детско-родительских отношений применялись:

- методика «Подростки о родителях» (ADOR) П. Шефера в модификации З. Матейчека — для оценки восприятия подростками поведения отца и матери по шкалам «позитивный интерес», «директивность», «враждебность»;
- методика «Детско-родительские отношения подростков» (ДРОП) — для многомерного описания эмоционального отношения, контроля и удовлетворенности;
- «Тест родительского отношения» А.Я. Варги и В.В. Столина — для самооценки родителями собственного стиля воспитания;
- проективные и качественные методы (сочинение, беседа, контент-анализ).

В рамках статьи анализируются те результаты, которые зафиксированы как статистически значимые возрастные и содержательные различия для выявления традиционных особенностей восприятия подростками детско-родительских отношений.

Основные результаты методики ADOR представлены в табл. 1 и табл. 2.

Бадмаева С.В., Тайсаева С.Б. (2026)
 Детско-родительские отношения
 и психологическое напряжение в современной семье:
 анализ особенностей восприятия
 у российских школьников 8—11 классов
Вестник практической психологии образования, 23(1),
 42—60.

Badmaeva S.V., Taisaeva S.B. (2026)
 Child-parent relations
 and psychological stress in the modern family:
 an analysis of the perception characteristics
 of Russian schoolchildren in grades 8—11
Bulletin of Psychological Practice in Education,
 23(1), 42—60.

Таблица 1 / Table 1

**Результаты расчета критерия Манна-Уитни для опросника
 «Поведение родителей и отношение подростков к ним» (ADOR)
 The results of the calculation of the Mann-Whitney criterion for the questionnaire
 “Parents’ behavior and adolescents’ attitude to them” (ADOR)**

Переменная / Variable	Сумма рангов / Sum of ranks		Значение критерия U / The value of criterion U	Уровень значимости* / Significance level*
	11 класс / 11th grade	8 класс / 8th grade		
Позитивный интерес (отец) / Positive interest (father)	344,500	358,500	148,500	0,512
Позитивный интерес (мать) / Positive interest (mother)	489,500	545,500	220,500	0,500
Враждебность (отец) / Hostility (father)	389,500	313,500	103,500	0,043

Примечание: «*» — статистически значимыми различиями считаются при $p < 0,05$.

Note: «*» — statistically significant differences are considered at $p < 0,05$.

Таблица 2 / Table 2

**Результаты расчета критерия Стьюдента для независимых выборок опросника
 «Поведение родителей и отношение подростков к ним» (ADOR)
 The results of calculating the Student’s criterion for independent samples of the questionnaire
 “Parents’ behavior and adolescents’ attitude to them” (ADOR)**

Переменная / Variable	Среднее значение / Average value		Значение критерия T / The value of criterion T	Уровень значимости* / Significance level*
	11 класс / 11th grade	8 класс / 8th grade		
Директивность (отец) / Directive (father)	11,588	10,750	0,667	0,509
Директивность (мать) / Directive (mother)	13,200	12,840	0,309	0,759

Бадмаева С.В., Тайсаева С.Б. (2026)
 Детско-родительские отношения
 и психологическое напряжение в современной семье:
 анализ особенностей восприятия
 у российских школьников 8—11 классов
Вестник практической психологии образования, 23(1),
 42—60.

Badmaeva S.V., Taisaeva S.B. (2026)
 Child-parent relations
 and psychological stress in the modern family:
 an analysis of the perception characteristics
 of Russian schoolchildren in grades 8—11
Bulletin of Psychological Practice in Education,
 23(1), 42—60.

Переменная / Variable	Среднее значение / Average value		Значение критерия Т / The value of criterion T	Уровень значимости* / Significance level*
	11 класс / 11th grade	8 класс / 8th grade		
Враждебность (мать) / Hostility (mother)	6,400	4,120	2,191	0,034

Примечание: «*» — статистически значимыми различиями считаются при $p < 0,05$.
Note: «*» — statistically significant differences are considered at $p < 0,05$.

Во-первых, враждебность отца статистически выше в восприятии старших подростков (сумма рангов 11 класса = 389,5; 8 класса = 313,5; $U = 103,5$; $p = 0,043$). Увеличение показателя не стоит интерпретировать однозначно как ухудшение отношений, скорее всего, это проявление возрастной сепарации и переоценки отцовского авторитета, характерные для старшего подросткового возраста.

Во-вторых, враждебность матери статистически выше у младших подростков (среднее 8 класса = 4,120; 11 класса = 6,400; $T = 2,191$; $p = 0,034$). Более высокая воспринимаемая враждебность матери в этом возрасте, вероятно, связана с остротой переживания ее повседневного контроля и требований в начале подросткового кризиса, тогда как снижение показателя в старшем возрасте может объясняться изменением позиции подростка, ростом автономности и перераспределением фокуса напряжения на отца и внешние контексты.

В-третьих, показатели позитивного интереса (отец, мать) и директивности (отец, мать) не демонстрируют статистически значимых возрастных различий (все $p > 0,05$), что указывает на относительную стабильность восприятия родительского тепла и требовательности. На этом фоне именно показатели, связанные с враждебностью, задают динамику негативного полюса отношений и формируют амбивалентную картину: при сопоставимом уровне заботы и интереса подростки по-разному переживают напряжение, связанное с контролем, критикой и родительскими ожиданиями на разных этапах подросткового возраста.

По методике ДРОП подростки оценивали каждого из родителей по 11 шкалам: принятие, эмпатия, эмоциональная дистанция, сотрудничество, принятие решений, конфликтность, требовательность, мониторинг, контроль, авторитарность, удовлетворенность отношениями. Однако, единственным статистически значимым различием по ДРОП явилась требовательность матери (табл. 3).

В восприятии старших подростков она выше (сумма рангов 11 класса = 535,0) по сравнению с младшими (сумма рангов 8 класса = 411,0; $U = 135,0$; $p = 0,021$). Из этого следует, что к старшему подростковому возрасту подростки острее чувствуют требования и ожидания матери в отношении их поведения, успеваемости и будущего. Все остальные шкалы (как по отцу, так и по матери) не демонстрировали значимых возрастных различий (все $p > 0,05$), что

Бадмаева С.В., Тайсаева С.Б. (2026)
 Детско-родительские отношения
 и психологическое напряжение в современной семье:
 анализ особенностей восприятия
 у российских школьников 8—11 классов
Вестник практической психологии образования, 23(1),
 42—60.

Badmaeva S.V., Taisaeva S.B. (2026)
 Child-parent relations
 and psychological stress in the modern family:
 an analysis of the perception characteristics
 of Russian schoolchildren in grades 8—11
Bulletin of Psychological Practice in Education,
 23(1), 42—60.

указывает на относительную стабильность большинства аспектов детско-родительских отношений.

Таблица 3 / Table 3

Результаты расчета критерия Манна-Уитни для методики «Детско-родительские отношения подростков» (ДРОП) — статистически значимые различия
The results of the calculation of the Mann-Whitney criterion for the method of “Child-parent relations of adolescents” (DROП) — statistically significant differences

Переменная / Variable	Среднее значение / Average value		Значение критерия U / The value of criterion U	Уровень значимости* / Significance level*
	11 класс / 11th grade	8 класс / 8th grade		
Требовательность (мать) / Demanding (mother)	535,000	411,000	135,000	0,021

Примечание: «*» — по всем остальным шкалам (принятие, эмпатия, эмоциональная дистанция, сотрудничество, принятие решений, конфликтность, мониторинг, контроль, авторитарность, удовлетворенность) для отца и матери статистически значимых различий не выявлено ($p > 0,05$).

Note: «*» — according to all other scales (acceptance, empathy, emotional distance, cooperation, decision-making, conflict, monitoring, control, authoritarianism, satisfaction), no statistically significant differences were found for the father and mother ($p > 0,05$).

Родители 8 и 11 классов оценивали свои установки по трем шкалам (табл. 4).

Таблица 4 / Table 4

Результаты расчета критерия Манна-Уитни для методики «Тест родительского отношения»
The results of calculating the Mann-Whitney criterion for the method of “Parental Attitude Test”

Переменная / Variable	Среднее значение / Average value		Значение критерия U / The value of criterion U	Уровень значимости* / Significance level*
	11 класс / 11th grade	8 класс / 8th grade		
Контроль / Control	200,500	264,500	80,5000	0,184
Симбиоз / Symbiosis	217,000	248,000	97,0000	0,520
Кооперация / Cooperation	205,000	260,000	85,0000	0,254

Примечание: «*» — статистически значимыми различиями считаются при $p < 0,05$.

Note: «*» — statistically significant differences are considered at $p < 0,05$.

Бадмаева С.В., Тайсаева С.Б. (2026)
 Детско-родительские отношения
 и психологическое напряжение в современной семье:
 анализ особенностей восприятия
 у российских школьников 8—11 классов
Вестник практической психологии образования, 23(1),
 42—60.

Badmaeva S.V., Taisaeva S.B. (2026)
 Child-parent relations
 and psychological stress in the modern family:
 an analysis of the perception characteristics
 of Russian schoolchildren in grades 8—11
Bulletin of Psychological Practice in Education,
 23(1), 42—60.

По всем трем шкалам статистически значимых различий между родителями младших и старших подростков не обнаружено (все $p > 0,05$). В то же время отмечено, что родители восьмиклассников в большей степени ориентированы на контроль и кооперацию, тогда как родители одиннадцатиклассников чаще демонстрируют черты симбиоза. Эти тенденции не достигли уровня статистической значимости, но отражают направление изменения родительских установок по мере взросления ребенка.

Таким образом, возрастная динамика детско-родительских отношений проявляется преимущественно в усилении напряжения на негативном полюсе (враждебность, требовательность), тогда как позитивные компоненты (принятие, интерес) остаются относительно стабильными, что формирует амбивалентную картину, где старшие подростки одновременно переживают и поддержку, и жесткость со стороны родителей.

Для сопоставления классических данных авторского исследования 2010 года с современным контекстом были рассмотрены исследования, посвященные влиянию дистанционного обучения, цифровой среды и социальных медиа на детско-родительские отношения и психическое благополучие подростков (табл. 5).

Таблица 5 / Table 5

**Современные исследования (2020—2026 гг.), релевантные теме
 детско-родительских отношений и напряжения
 Modern research (2020—2026) relevant to the topic
 of child-parent relations and tension**

Источник (2020—2026) / Source (2020—2026)	Выборка, контекст / Sample, context	Ключевые количественные результаты / Key Quantitative Results	Выводы для зон семейного напряжения / Conclusions for family stress zones
Широбокова, 2021 / Shirobokova, 2021	Родители школьников, Россия, период дистанционного обучения / Parents of schoolchildren, Russia, period of distance learning	42,6% родителей отметили, что стали больше общаться в семье; 54,1% — что делали все вместе; 91,8% не хотели бы повторения дистанционного формата / 42.6% of parents noted that they started communicating more within their families; 54.1% said that they did everything together; 91.8% did not want to repeat the remote format	Формальное увеличение общения сопровождалось накоплением усталости и напряжения, а не улучшением отношений / The formal increase in communication was accompanied by a buildup of fatigue and tension, rather than an improvement in relationships

Бадмаева С.В., Тайсаева С.Б. (2026)
 Детско-родительские отношения
 и психологическое напряжение в современной семье:
 анализ особенностей восприятия
 у российских школьников 8—11 классов
Вестник практической психологии образования, 23(1),
 42—60.

Badmaeva S.V., Taisaeva S.B. (2026)
 Child-parent relations
 and psychological stress in the modern family:
 an analysis of the perception characteristics
 of Russian schoolchildren in grades 8—11
Bulletin of Psychological Practice in Education,
 23(1), 42—60.

Источник (2020—2026) / Source (2020—2026)	Выборка, контекст / Sample, context	Ключевые количественные результаты / Key Quantitative Results	Выводы для зон семейного напряжения / Conclusions for family stress zones
Клягин и др., 2020 / Klyagin et al., 2020	Родители и школьники, Россия, переход на «дистант» / Parents and schoolchildren, Russia, remote learning	Средняя оценка адаптации к дистанционному обучению — 3,6 из 10; 38,6% родителей указали, что совмещать работу, быт и обучение детей удалось очень плохо / The average rating for adapting to distance learning is 3.6 out of 10; 38.6% of parents reported that they were unable to combine work, household chores, and childcare	Пандемический опыт усилил уязвимость семей с уже существующими проблемами коммуникации и доверия / The pandemic experience has increased the vulnerability of families with pre-existing communication and trust issues
Teens, screens and mental health..., 2024	280 тыс. подростков 11, 13 и 15 лет; 44 страны Европы, Центральной Азии и Канада / 280,000 teenagers aged 11, 13, and 15; 44 countries in Europe, Central Asia and Canada	Доля подростков с признаками проблемного использования соцсетей выросла с 7% (2018) до 11% (2022); 12% демонстрируют проблемное поведение в отношении цифровых игр; 36% постоянно онлайн / The share of teenagers with signs of problematic social media use has increased from 7% (2018) to 11% (2022); 12% exhibit problematic behavior in relation to digital games; 36% are constantly online	Цифровая среда становится самостоятельным источником стресса, снижения благополучия и нарушений сна / The digital environment is becoming an independent source of stress, reduced well- being and sleep disorders

Бадмаева С.В., Тайсаева С.Б. (2026)
 Детско-родительские отношения
 и психологическое напряжение в современной семье:
 анализ особенностей восприятия
 у российских школьников 8—11 классов
Вестник практической психологии образования, 23(1),
 42—60.

Badmaeva S.V., Taisaeva S.B. (2026)
 Child-parent relations
 and psychological stress in the modern family:
 an analysis of the perception characteristics
 of Russian schoolchildren in grades 8—11
Bulletin of Psychological Practice in Education,
 23(1), 42—60.

Источник (2020—2026) / Source (2020—2026)	Выборка, контекст / Sample, context	Ключевые количественные результаты / Key Quantitative Results	Выводы для зон семейного напряжения / Conclusions for family stress zones
Кочетова, Климакова, 2025 / Kochetova, Klimakova, 2025	Подростки, Россия / Teenagers, Russia	Цифровое пространство рассматривается как полноценная микросистема наряду с семьей и школой, влияющая на формирование идентичности / The digital space is considered a full-fledged microsystem, along with family and school, which influences the formation of identity	Цифровая среда определяет способы самопрезентации и переживания себя подростками / The digital environment determines the ways in which teenagers present and experience themselves
Корниенко и др., 2025 / Kornienko et al., 2025	Старшие подростки, Россия / Senior teenagers, Russia	При большей поддержке со стороны родителей интернет-активность реже связана с психологическими проблемами; высокий контроль без поддержки ассоциируется с более выраженными эмоциональными трудностями / With more parental support, internet activity is less likely to be associated with psychological problems; high control without support is associated with more severe emotional difficulties	Контроль, не сопровожаемый принятием и поддержкой, усиливает психологическое напряжение / Control that is not accompanied by acceptance and support increases psychological stress

Бадмаева С.В., Тайсаева С.Б. (2026)
 Детско-родительские отношения
 и психологическое напряжение в современной семье:
 анализ особенностей восприятия
 у российских школьников 8—11 классов
Вестник практической психологии образования, 23(1),
 42—60.

Badmaeva S.V., Taisaeva S.B. (2026)
 Child-parent relations
 and psychological stress in the modern family:
 an analysis of the perception characteristics
 of Russian schoolchildren in grades 8—11
Bulletin of Psychological Practice in Education,
 23(1), 42—60.

Источник (2020—2026) / Source (2020—2026)	Выборка, контекст / Sample, context	Ключевые количественные результаты / Key Quantitative Results	Выводы для зон семейного напряжения / Conclusions for family stress zones
Исаков, 2025 / Isakov, 2025	Молодежь, Россия / Youth, Russia	Образ семьи и родительства все активнее формируется под воздействием цифрового контента и нейросетевых технологий / The image of family and parenthood is increasingly influenced by digital content and neural network technologies	Социальные сети усиливают давление и тревожность, формируют нереалистичные ожидания от семьи / Social media increases pressure and anxiety, and creates unrealistic expectations from family members
Стрельцова и др., 2023 / Streltsova et al., 2023	Домохозяйства с детьми, Россия / Households with children, Russia	98% домохозяйств с несовершеннолетними имеют доступ в интернет; около 44% родителей не ограничивают детей в интернете / 98% of households with minors have internet access; about 44% of parents do not restrict their children's internet use	Высокая цифровая обеспеченность семей сочетается с недостатком родительского контроля и цифровой компетентности / High digital availability in families is combined with a lack of parental control and digital competence

Сопоставление показывает, что современные исследования фиксируют:

- сохранение традиционных зон напряжения, выявленных в авторском исследовании в 2010 году (контроль, враждебность, дефицит поддержки);
- появление новых факторов риска, связанных с цифровизацией и дистанционным обучением;
- парадокс, где семья декларируется как высшая ценность и объект государственной поддержки, но реальные повседневные практики общения внутри семьи часто остаются источником стресса.

Бадмаева С.В., Тайсаева С.Б. (2026)
Детско-родительские отношения
и психологическое напряжение в современной семье:
анализ особенностей восприятия
у российских школьников 8—11 классов
Вестник практической психологии образования, 23(1),
42—60.

Badmaeva S.V., Taisaeva S.B. (2026)
Child-parent relations
and psychological stress in the modern family:
an analysis of the perception characteristics
of Russian schoolchildren in grades 8—11
Bulletin of Psychological Practice in Education,
23(1), 42—60.

Обсуждение результатов

Результаты эмпирического авторского исследования 2010 года и обзор современных научных данных 2020—2026 гг. позволяют по-новому взглянуть на динамику детско-родительских отношений в подростковом возрасте.

Во-первых, выявленная возрастная динамика свидетельствует о том, что переход от младшего к старшему подростковому возрасту сопровождается не прямым «улучшением» или «ухудшением» отношений, а их усложнением. Младшие подростки переживают более высокую враждебность матери и дефицит тепла, что соответствует классическим описаниям начала подросткового кризиса, когда наиболее остро воспринимается контроль именно со стороны ближайшей эмоциональной фигуры — матери. К старшему возрасту этот пик снижается, однако на первый план выходит восприятие враждебности отца и усиление требовательности матери. Соответственно, фокус напряжения смещается: сначала к матери, затем к отцу и к усилению ожиданий со стороны обоих родителей.

Во-вторых, гендерная асимметрия образа родителей, зафиксированная в авторском исследовании 2010 года, хорошо согласуется с современными теоретическими представлениями о материнской и отцовской любви. Мать выступает как источник повседневной заботы и одновременно контроля; отец — как фигура норм, требований и внешней оценки. У старших подростков рост воспринимаемой враждебности отца совпадает по времени с решением задач профессионального и жизненного самоопределения, что делает отца основным адресатом подростковых претензий и сопротивления. Вместе с тем, как отмечалось выше, рост воспринимаемой враждебности отца не следует трактовать однозначно негативно. В контексте теории сепарации-индивидуации повышение критичности к отцовской фигуре может являться маркером когнитивного созревания подростка — перехода от конформного принятия родительских установок к их самостоятельной оценке. Подросток, отстаивая собственную позицию, острее переживает несогласие с отцом и может обозначать его как «враждебность» даже при отсутствии заметных изменений в реальном стиле его поведения.

В-третьих, структурные особенности семьи (полная/неполная, наличие конфликтов между родителями) усиливают или, напротив, смягчают возрастные тенденции. В неполных семьях чаще встречается гиперопека и эмоциональная перегрузка единственного родителя, а в полных — противоречивость требований отца и матери и влияние супружеских конфликтов. Результаты согласуются с современными докладами о семьях с детьми, в которых подчеркивается роль психологических (помимо экономических) факторов семейного неблагополучия.

В-четвертых, сопоставление с исследованиями, проведенными в 2020—2026 гг., показывает, что цифровая среда постепенно превращается в самостоятельную микросистему социализации подростка, сопоставимую по влиянию с семьей и школой. Пандемический опыт дистанционного обучения стал своего рода стресс-тестом для семей. Формально семьи проводили больше времени вместе, однако большинство родителей и подростков оценили этот опыт как нежелательный в будущем. Отсюда следует, что базовые механизмы взаимодействия, описанные в авторском исследовании (враждебность, требовательность,

Бадмаева С.В., Тайсаева С.Б. (2026)
Детско-родительские отношения
и психологическое напряжение в современной семье:
анализ особенностей восприятия
у российских школьников 8—11 классов
Вестник практической психологии образования, 23(1),
42—60.

Badmaeva S.V., Taisaeva S.B. (2026)
Child-parent relations
and psychological stress in the modern family:
an analysis of the perception characteristics
of Russian schoolchildren in grades 8—11
Bulletin of Psychological Practice in Education,
23(1), 42—60.

дефицит поддержки), не были пересмотрены, а, напротив, обострились в условиях принудительного совместного пребывания и смешения ролей «родителя» и «учителя» в одном лице.

В то же время цифровизация усиливает противоречие между родительским контролем и подростковой потребностью в автономии. С одной стороны, значительная часть родителей либо не осуществляет практически никакого контроля за онлайн-активностью детей, либо прибегает к жестким, но малоосмысленным запретам. С другой стороны, исследования показывают, что именно сочетание высокой требовательности и низкой поддержки связано с большим уровнем эмоциональных проблем у подростков. Данное положение дополняет выводы, сделанные в авторском исследовании, где усиление требовательности без адекватного диалога и эмоциональной вовлеченности может усиливать, а не снижать психологическое напряжение.

Конечно, цифровая среда изменяет структуру доверительных отношений подростка. Часть вопросов и переживаний переносится в общение со сверстниками и анонимными онлайн-сообществами, что снижает долю семьи как пространства первичной эмоциональной разгрузки. При этом сама семья становится ареной конфликтов вокруг времени в интернете, учебной мотивации и границ личного пространства. В результате традиционные конфликтные узлы («уроки», «друзья», «время возвращения домой») дополняются новыми — «гаджеты», «соцсети», «игры».

Все это позволяет говорить о том, что детско-родительские отношения в современной семье — это неотъемлемая часть более широкой системы, в которой переплетаются возрастные задачи подростка, структура семьи, культурные ожидания и цифровая среда. Авторское исследование, опирающееся на данные конца 2000-х, и современные работы 2020—2026 гг. демонстрируют удивительную преемственность базовых проблем и одновременно показывают, как новые контексты (пандемия, соцсети, тотальная онлайн-доступность) меняют формы их проявления.

Заключение

Анализ эмпирического авторского исследования 2010 года и современных работ 2020—2026 гг. показывает, что детско-родительские отношения в подростковом возрасте характеризуются устойчивой многомерной напряженностью. Традиционные источники конфликта — враждебность, требовательность, дефицит поддержки, борьба за автономию — сохраняются, но встраиваются в новый социальный и цифровой контекст.

Возрастная динамика, зафиксированная ранее, свидетельствует о том, что психологическое напряжение формируется преимущественно за счет усиления негативного полюса отношений, где враждебность отца возрастает, требовательность матери усиливается, враждебность матери, напротив, снижается по мере взросления подростка. Позитивный интерес при этом не демонстрирует статистически значимого роста, что создает амбивалентную картину, в которой подросток одновременно переживает и поддержку, и жесткость со стороны родителей. Гендерные и структурные различия придают детско-родительским отношениям специфическую конфигурацию напряжения. В младшем подростковом возрасте фокус

Бадмаева С.В., Тайсаева С.Б. (2026)
Детско-родительские отношения
и психологическое напряжение в современной семье:
анализ особенностей восприятия
у российских школьников 8—11 классов
Вестник практической психологии образования, 23(1),
42—60.

Badmaeva S.V., Taisaeva S.B. (2026)
Child-parent relations
and psychological stress in the modern family:
an analysis of the perception characteristics
of Russian schoolchildren in grades 8—11
Bulletin of Psychological Practice in Education,
23(1), 42—60.

конфликтов приходится преимущественно на мать как фигуру повседневного контроля, в старшем — перекидывается на отца как носителя норм и ожиданий взрослого мира, а также на усиление требовательности матери. В неполных семьях более выражены гиперопека и эмоциональная перегрузка единственного родителя; в полных же наблюдается противоречивость требований и влияние супружеских конфликтов.

Современные исследования дистанционного обучения и влияния социальных медиа демонстрируют, что цифровая среда стала самостоятельной микросистемой социализации подростка, существенно влияющей на его эмоциональное состояние и образ семьи. Проблемное использование социальных медиа и игр связано с повышенной тревожностью, нарушениями сна и снижением субъективного благополучия. Пандемический опыт дистанционного обучения показал парадокс, где формальный рост совместного времени в семье не улучшил, а во многих случаях ухудшил качество детско-родительских отношений.

Сопоставление традиционных и цифровых факторов напряжения позволяет заключить, что цифровизация не отменяет классических конфликтных узлов в семье, а наслаивается на них, открывая новые поля напряжения (контроль онлайн-активности, техноференция, разрыв между офлайн- и онлайн-коммуникацией). Высокий родительский контроль без эмоциональной поддержки и диалога в цифровой сфере усиливает риск эмоциональных проблем у подростков.

Поставленная цель — выявить и проанализировать особенности восприятия подростками 8—11 классов детско-родительских отношений и определить ключевые зоны психологического напряжения в контексте современных социальных трансформаций — достигнута за счет сопоставления данных авторского эмпирического исследования с актуальными статистическими и исследовательскими материалами. Выделены основные зоны напряжения, а именно: эмоциональный дефицит и амбивалентность образа родителей, несовпадение траекторий автономизации подростка и родительских ожиданий, гендерные различия в восприятии отца и матери, разрыв между онлайн- и офлайн-жизнью подростка, постпандемическое утомление семьи.

Практическое значение работы заключается в том, что она задает основания для разработки программ психологического просвещения родителей о возрастных задачах подросткового периода и цифровых рисках, создания школьных программ психологического сопровождения, учитывающих как семейный климат, так и онлайн-контекст жизни подростков, а также для адресной психолого-педагогической помощи семьям с высоким уровнем напряжения.

Перспективы дальнейших исследований связаны с проведением лонгитюдных и репрезентативных исследований на выборках современных школьников 8—11 классов с использованием обновленных психодиагностических инструментов, включающих блоки о цифровом поведении и онлайн-коммуникации, а также с оценкой эффективности целевых интервенций, направленных на снижение психологического напряжения в семье и повышение качества детско-родительского диалога в условиях цифровизации.

Ограничения. Результаты основаны на небольшой выборке (88 человек) из одной школы и данных конца 2000-х годов, что ограничивает их обобщаемость на других подростков и

Бадмаева С.В., Тайсаева С.Б. (2026)
Детско-родительские отношения
и психологическое напряжение в современной семье:
анализ особенностей восприятия
у российских школьников 8—11 классов
Вестник практической психологии образования, 23(1),
42—60.

Badmaeva S.V., Taisaeva S.B. (2026)
Child-parent relations
and psychological stress in the modern family:
an analysis of the perception characteristics
of Russian schoolchildren in grades 8—11
Bulletin of Psychological Practice in Education,
23(1), 42—60.

современные условия. Обзор современных исследований носит выборочный характер, поэтому выводы в перспективе требуют более масштабных и репрезентативных исследований.

Limitations. The results are based on a small sample (88 people) from one school and data from the late 2000s, which limits their generalizability to other adolescents and current conditions. The review of modern research is selective, so the conclusions in the future require more extensive and representative studies.

Список источников / References

1. Выготский, Л.С. (1984). *Собрание сочинений: В 6 т.: Том 4*. М.: Педагогика. Vygotsky, L.S. (1984). *Collected works: In 6 vols.: Vol. 4*. Moscow: Pedagogika. (In Russ.).
2. Захаров, А.И. (1996). *Как помочь нашим детям избавиться от страха*. СПб.: Союз. Zakharov, A.I. (1996). *How to help our children get rid of fear*. Saint Petersburg: Soyuz. (In Russ.).
3. Клягин, А.В., Абалмасова, Е.С., Гарев, К.В., Груздев, И.А., Егоров, А.А., Захарова, У.С., Калинин, Р.Г., Камальдинова, Л.Р., Карлов, И.А., Корнеева, И.Е., Макарьева, А.Ю., Минаева, Е.А., Платонова, Д.П., Семенова, Т.В., Скокова, Ю.А., Терентьев, Е.А., Фруммин, И.Д., Швиндт, А.Н., Шибанова Е.Ю. (2020). *Шторм первых недель: как высшее образование шагнуло в реальность пандемии*. М.: НИУ ВШЭ. URL: <https://ioe.hse.ru/pubs/share/direct/408115448.pdf> (дата обращения: 03.02.2026). Klyagin, A.V., Abalmasova, E.S., Garev, K.V., Gruzdev, I.A., Egorov, A.A., Zakharova, U.S., Kalinin, R.G., Kamaldinova, L.R., Karlov, I.A., Korneeva, I.E., Makarieva, A.Yu., Minaeva, E.A., Platonova, D.P., Semenova, T.V., Skokova, Yu.A., Terentyev, E.A., Frumin, I.D., Schwindt, A.N., Shibanova, E.Yu. (2020). *The storm of the first weeks: how higher education stepped into the reality of a pandemic*. Moscow: HSE University. (In Russ.). URL: <https://ioe.hse.ru/pubs/share/direct/408115448.pdf> (viewed: 03.02.2026).
4. Стрельцова, Е.А., Кузина, Л.С., Полякова, В.В., Попов, Е.В., Щербakov, Р.А., Юдин, И.Б. (2023). *Жизнь онлайн: цифровая трансформация российского общества* (Е.А. Стрельцова, ред.). М.: НИУ ВШЭ. URL: https://id.hse.ru/data/2025/03/16/1955167856/Жизнь%20онлайн_сайт.pdf (дата обращения: 03.02.2026). Streltsova, E.A., Kuzina, L.S., Polyakova, V.V., Popov, E.V., Shcherbakov, R.A., Yudin, I.B. (2023). *Online Life: The Digital Transformation of Russian Society* (E.A. Streltsova, ed.). Moscow: HSE University. (In Russ.). URL: https://id.hse.ru/data/2025/03/16/1955167856/Жизнь%20онлайн_сайт.pdf (viewed: 03.02.2026).
5. Исаков, В.С. (2025). Цифровой взгляд на образ семьи. *Знак: проблемное поле медиаобразования*, 4(58), 25—35. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=84790022> (дата обращения: 03.02.2026). Isakov, V.S. (2025). A digital look at the image of the family. *The Sign: a problematic field of*

Бадмаева С.В., Тайсаева С.Б. (2026)
Детско-родительские отношения
и психологическое напряжение в современной семье:
анализ особенностей восприятия
у российских школьников 8—11 классов
Вестник практической психологии образования, 23(1),
42—60.

Badmaeva S.V., Taisaeva S.B. (2026)
Child-parent relations
and psychological stress in the modern family:
an analysis of the perception characteristics
of Russian schoolchildren in grades 8—11
Bulletin of Psychological Practice in Education,
23(1), 42—60.

media education, 4(58), 25—35. (In Russ.). URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=84790022>
(viewed: 03.02.2026).

6. Кон, И.С. (2003). *Ребенок и общество: Историко-этнографическая перспектива*. М.: Академический проект.
Kon, I.S. (2003). *The child and society: Historical and ethnographic perspective*. Moscow: Academic Project. (In Russ.).
7. Корниенко, Д.С., Руднова, Н.А., Смирнова, Я.К., Калимуллин, А.М., Семенов, Ю.И. (2025). Цифровые предпочтения старших подростков: проблемы онлайн-активности и роль социальной поддержки. *Социальная психология и общество*, 16(2), 78—95. URL: https://psyjournals.ru/journals/sps/archive/2025_n2/Kornienko_et_al (дата обращения: 03.02.2026).
Kornienko, D.S., Rudnova, N.A., Smirnova, Ya.K., Kalimullin, A.M., Semenov, Yu.I. (2025). Digital preferences of older adolescents: problems of online activity and the role of social support. *Social Psychology and Society*, 16(2), 78—95. (In Russ.). URL: https://psyjournals.ru/journals/sps/archive/2025_n2/Kornienko_et_al (viewed: 03.02.2026).
8. Кочетова, Ю.А., Климакова, М.В. (2025). Подросток в цифровой среде: идентичность и образ себя. *Социальные науки и детство*, 6(3), 85—98. <https://doi.org/10.17759/ssc.2025060306>
Kochetova, Yu.A., Klimakova, M.V. (2025). Adolescent in the digital environment: identity and self-image. *Social Sciences and Childhood*, 6(3), 85—98. (In Russ.). <https://doi.org/10.17759/ssc.2025060306>
9. Рыбальченко, С.И., Коротаев, А.В., Ефремов, И.А., Михайлова, Е.А., Шпицберг, И.Л. (2024). *Семья и дети в России. Специальный доклад Общественной палаты Российской Федерации. Статистический сборник Росстата* (С.И. Рыбальченко, ред.). М.: ОП РФ. URL: <https://files.oprf.ru/storage/documents/doklad-semiya-deti-2024.pdf> (дата обращения: 01.02.2026).
Rybalchenko, S.I., Korotaev, A.V., Efremov, I.A., Mikhailova, E.A., Shpitsberg, I.L. (2024). *Family and children in Russia. Special report of the Civic Chamber of the Russian Federation. Statistical collection of Rosstat* (S.I. Rybalchenko, ed.). Moscow: Public Chamber of the Russian Federation. (In Russ.). URL: <https://files.oprf.ru/storage/documents/doklad-semiya-deti-2024.pdf> (viewed: 01.02.2026).
10. Широбокова, О. В. (2021) Переживание дистанционного образования родителями школьников. *Молодой ученый*, 1(343), 154—156. URL: <https://moluch.ru/archive/343/77236> (дата обращения: 03.02.2026).
Shirobokova, O. V. (2021) The experience of distance education by parents of schoolchildren. *Young Scientist*, 1(343), 154—156. (In Russ.). URL: <https://moluch.ru/archive/343/77236> (viewed: 02/03/2026).
11. Эльконин, Д.Б. (1989). *Избранные психологические труды*. М.: Педагогика.
Elkonin, D.B. (1989). *Selected Psychological works*. Moscow: Pedagogika. (In Russ.).

Бадмаева С.В., Тайсаева С.Б. (2026)
Детско-родительские отношения
и психологическое напряжение в современной семье:
анализ особенностей восприятия
у российских школьников 8—11 классов
Вестник практической психологии образования, 23(1),
42—60.

Badmaeva S.V., Taisaeva S.B. (2026)
Child-parent relations
and psychological stress in the modern family:
an analysis of the perception characteristics
of Russian schoolchildren in grades 8—11
Bulletin of Psychological Practice in Education,
23(1), 42—60.

12. Эйдемиллер, Э.Г., Юстицкис, В. (2000). *Психология и психотерапия семьи*. СПб.: Питер. Eidemiller, E.G., Justickis, V. (2000). *Family psychology and psychotherapy*. Saint Petersburg: Piter. (In Russ.).
13. *Mental health of adolescents* (2024). Geneva: WHO. URL: <https://www.who.int/news-room/fact-sheets/detail/adolescent-mental-health> (viewed: 01.02.2026).
14. *Teens, screens and mental health: New WHO report indicates need for healthier online habits among adolescents* (2024). Copenhagen: WHO Regional Office for Europe. URL: <https://www.who.int/europe/news/item/25-09-2024-teens--screens-and-mental-health> (viewed: 01.02.2026).

Информация об авторах

Светлана Владимировна Бадмаева, кандидат педагогических наук, доцент кафедры рекламы, связей с общественностью и дизайна, Высшая школа креативных индустрий (факультет), Российский экономический университет им. Г.В. Плеханова (ФГБОУ ВО РЭУ им. Г.В. Плеханова), Москва, Российская Федерация; доцент кафедры психологии и развития человеческого капитала, факультет социальных наук и массовых коммуникаций, Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации (ФГБОУ ВО «Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации»), Москва, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-9057-5742>, e-mail: sbadmaeva@yandex.ru

Светлана Борисовна Тайсаева, кандидат психологических наук, доцент кафедры политического анализа и социально-психологических процессов, Высшая школа социально-гуманитарных наук (факультет), Российский экономический университет им. Г.В. Плеханова (ФГБОУ ВО РЭУ им. Г.В. Плеханова), Москва, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-6947-8606>, e-mail: taisaeva@mail.ru

Information about the authors

Svetlana V. Badmaeva, Candidate of Science (Pedagogy), Associate Professor, Department of Advertising, Public Relations and Design, Graduate School of Creative Industries (Faculty), Plekhanov Russian University of Economics, Moscow, Russian Federation; Associate Professor, Department of Psychology and Human Capital Development, Faculty of Social Sciences and Mass Communications, Financial University under the Government of the Russian Federation, Moscow, Russian Federation, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-9057-5742>, e-mail: sbadmaeva@yandex.ru

Svetlana B. Taisaeva, Candidate of Science (Psychology), Associate Professor, Department of Political Analysis and Socio-Psychological Processes, Graduate School of Social Sciences and Humanities (Faculty), Plekhanov Russian University of Economics; Moscow, Russian Federation, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-6947-8606>, e-mail: taisaeva@mail.ru

Бадмаева С.В., Тайсаева С.Б. (2026)
Детско-родительские отношения
и психологическое напряжение в современной семье:
анализ особенностей восприятия
у российских школьников 8—11 классов
Вестник практической психологии образования, 23(1),
42—60.

Badmaeva S.V., Taisaeva S.B. (2026)
Child-parent relations
and psychological stress in the modern family:
an analysis of the perception characteristics
of Russian schoolchildren in grades 8—11
Bulletin of Psychological Practice in Education,
23(1), 42—60.

Вклад авторов

Бадмаева С.В. — идеи исследования; аннотирование, написание и оформление рукописи; планирование исследования; контроль за проведением исследования.

Тайсаева С.Б. — применение статистических, математических или других методов для анализа данных; проведение эксперимента; сбор и анализ данных; визуализация результатов исследования.

Все авторы приняли участие в обсуждении результатов и согласовали окончательный текст рукописи.

Contribution of the authors

Svetlana V. Badmaeva — ideas; annotation, writing and design of the manuscript; planning of the research; control over the research.

Svetlana B. Taisaeva — application of statistical, mathematical or other methods for data analysis; conducting the experiment; data collection and analysis; visualization of research results.

All authors participated in the discussion of the results and approved the final text of the manuscript.

Конфликт интересов

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Conflict of interest

The authors declare no conflict of interest.

Поступила в редакцию 07.02.2026
Поступила после рецензирования 27.02.2026
Принята к публикации 02.03.2026
Опубликована 30.03.2025

Received 2025.02.07
Revised 2025.02.27
Accepted 2025.03.02
Published 2025.03.30